

Contra spem
free, 2008

Я летом у нас во дворе видела
Совершенное выражение любви.
Мелом, детским почерком - на стене:
Ты ты ты ты ты ты
Здесь нет почерка и нет мела.

Любава Малышева

?

Ну что же, начало прекрасное.

Инсомния, перекресток около Большой
Морской.

Я читаю на стенах надписи

И иногда что-то добавляю своей рукой.

Весь город заклеен стикерами с енотом.

Славно чувствовать некоторую сопричастность

К осуществлению бесполезной работы,

Само существование которой подразумевает

опасность...

Во дворе, в котором тиран играл в песочнице...

В городе, в котором люди друг друга ели, не

смущаясь...

В стране, где самый честный ссучился и

обесточился...

В мире, в который я больше не врубаюсь...

?

С тех пор, как я отписалась от **рассылки**

эсперантистов,

Нет даже иллюзии <интерактивного> общения.

Такое впечатление, что я - народный артист,

Выступающий в пустом помещении.

Вроде как с гонораром не наебали,

Устроили дом в посёлке в районе Калуги

И даже выдали сносные медали

И право не оплачивать коммунальные услуги.

Что же ещё нужно? И тут появляется тема

Зрителя, как участника процесса - тема

сотворчества.

Моя самая большая проблема -

Безусловное в этой (ну ладно, и в прочих)

областях - одиночество.

Мой герой литературен - говорит любимый.

Он полагает, что можно обозначить пределы.

Даже если обстоятельства непреодолимы,
Всегда при желании можно что-то сделать.

?

Шумные компании,
В которых никто никого не знает,
Позволяют
Забиться в угол.
Пока они играют,
Смеются и разливают
Смола на коре застыть успевают
И на время перестаешь быть объектной куклой.
А знаешь, какой я видела сон?
Что-то про настоящую любовь
И про её основной закон.
Это, как указано в докладе ООН -
Парниковый эффект.
Утром бабочки слетелись со всех сторон,
Изо всех сил убеждая меня в том,
Что иллюзия не рождает просветленных
Во времена падальщиков и ворон,
Что это приснилось мне.
Скрипит тектоническая плита,
Где-то подо мной проходит черта,
Трещинка бежит, свистит пустота.
Разлом и сдвиг.
Может быть, это Шварц виноват.
Лучший ученик и сам не рад,
Но есть граница, за которую он – сам -
Не имел права переходить.
Заткнись, детка, тебя прокатили.
Для вариативного ряда подходят и зелёные мили,
И волосья лужки, и даршана пыль -
Готовы соловьиные язычки.
Неужели все эти истории тебя не научили
Не подходить близко к тем,
Кто состоит из насилия...
Как можно в тридцать лет верить
В волшебную золотую пыль?
Любви нет, это знают даже дурачки.

Мы с ребёнком сидим на детской площадке...
Люди с баками, в клетчатых рубашках
И в бейсболках – люди, похожие на лидера
Одного молодежного протестного объединения
Правозащитного... (Правда, сложно сказать,
Права какие защищает он. Но: несомненно
Он так похож на скинхеда, что антифа,
Которые поехали купать 27 мая
Нациста Валяева Женю,
Долго думали, не окунуть ли
И господина Козлова
За Лакосте и прочую неаккуратность в одежде
Но, слава Джинсовому богу, не окунули)
Так вот, мы сидим, а нацисты пьют пиво.
И так удивительно смотреть на них и думать
О том, что делать, если они в привычной манере
Начнут кричать что-то типа «белой власти»?
А на нашей улице крики такого рода
Так же часты, как засоры мусоропровода,
Пробивать которые приходит
Чувак южного вида,
Потому как свиньи умеют только гадить.
Так вот мы сидим, блядь, и ждём –
Крикнут-не крикнут.
И думаем - что мы будем: втягивать плечи
Или драпать по кочкам с совком
И старой коляской -
Мимо качелей, рассыпавшихся песочниц,
Кукольных девочек с белыми волосами,
Мимо пасочек, мимо старух и кошек...
Или, может, пойдем огребать по морде
И Аристотеля зачитывать по шпаргалке.
В общем, чтобы найти люлей, не нужно
Ехать сто девятнадцать часов до **Ангарска**.
Двадцать первое. Свечки. Два красных цветочка.
Это вам не песочница. Это РосАтом.
Это глобальная катастрофа.
И наш институт коллективного бездействия

И университет автономного бездействия
Выходят из состояния равновесия вместе.
Те, кто выживет после красного потопа...
Кто выживет после кровавого потопа,
Любите врагов наших

?

Марат Ка нашел бы нашу ванную гармоничной.
Сочетание цветов подобрано идеально.
Заказчику понравилось - отлично.
Дизайнеру похлопали - и рассчитали.
Список литераторов, сделавших всё по законам
фэн-шуй,
Так велик, что конкурирует со списком Гомера.
Что делать, когда остаётся немного времени -
рисуй

Красные сердечки на кафеле белом.
За плоскостью традиционного понимания
"его нет"
Есть нежелание несовершенного мира в целом.
Это не лечится.
С такими людьми не хочется ходить по одной
земле
И вообще иметь отношение к человечеству.

?

Практические советы участникам акций протеста:

1. Включайте воду погорячей.
2. Старайтесь поглубже резать.
3. Следите, чтобы кровь не переставала течь.
Это примерно как в фильмах про акул,
Похоже на красный дым под водой.
4. Лучше не засыпать. Для тех, кто уснул -
Эффектное сочетание асфиксии и собственной крови.
5. Не отвечайте на звонки,
Их «пожалуйста» звучат как угрозы.
6. В рабочий день это полегче, но тоже сложно.
7. Пробуйте ещё и ещё.
Нет ничего невозможного.

?

Из чего происходит маргинальность?

Из чего сделаны мальчики последнего
недопризыва,
Девочки, протестующие в пользу ла Реалидад -
по-здешнему - в пользу реальности -
Каждой распечатанной банкой пива?
Кривыми стрижками и всеми оттенками черного
Предметов, считающихся за одежду,
Гордящиеся тем, что они невежды
И реализуемы только в концепции города?
Из линейек, на которых хотелось упасть в
обморок,
Впитанных с наклоном букв гипсов Ленина,
Понимания, что происходящее вокруг не
временно,
Что из тебя в результате сделают окорок.
Шелкового галстука, собираемого в гармошку,
Утюгом уничтожаемым с завидным
наслаждением,
Из невероятного напряжения
От собственного желания полной ложки,
Намерения кулаком разбить музея витрину
И вышвырнуть ложку, бесконечную ложку –
оттуда...
И поэтому, знаете, идите на хуй с вашей Кубой
Неужели обязательно необходима
Реанимация устаревших идей, когда полно
новых...
Водомёты - разве это теперь тирания?
Тирания - это когда даже вместе с друзьями
своими
Ты не можешь верить ни одному их слову.

?

Богов рассмешить легко, ты не права.

Стаи морских птиц срываются с рифа,
Когда жесткая гаротта мифа

Состояние, преследующее меня уже года четыре.
Сердце бьётся в чужой квартире
И мне нечего ловить в этом мире.
То Магдалина, то Мария
Подходят и смотрят - не вынесли ли меня
святые?

Не вынесли. Йоги парятся, а мое сердце бьётся в
год раза четыре,
Если его пнёт ногой тот единственный, кому оно
досаждаёт ударами своими.
Мнимый Вечно Больной ходит в шарфе и шапке,
Это ещё что, есть такие, что в ментах читают
Кафку

Он в запое, я в игноре, я в цепких лапках
Кошки, у которой в руках удавка...
Кошка стелет мягко,
И если когда-то
И придумывает новую дату для встречи,
То только чтобы надёжнее покалечить.
Неподвижны черные крылья Бата.
Телефон безответен - как в декабре когда-то.
Семён лежит в клинике на Восьмого марта.
Читать ему под нейролептиками сложновато.
У шести соседей тело из ваты,
А седьмой держит в руках Канта,
Но кверху ногами
И скрежещет симптоматическими зубами.
А, собственно, разве ему не хуже, чем мне?
Это обычно утешает людей, живущих в этой
стране,
В сумасшедшей проклятой бессердечной стране.

?

Остракизм - лучшая реставрация эпохи позднего
капитализма.

Пока отчизна рукоплещет убогим сынам своим,
Глотающим один только дым
И довольным этим,
Согласно строчке из школьной комедии, полной

лиризма;

Пока на каждого дурака хватает бейсбольной
биты
*В нашей стране со времен Куликовской битвы
Каждую битку освящают водой и молитвой
И бросают шапки, чтобы по голове непокрытой
Точнее целилась направляемая президентом рука*
Так вот, пока родина страдает
А вместе с нею и мы сами от русской заразы,
Соседка добивается, чтобы гражданин Лужков
Ездил исключительно в Кочерыжкино
Для чтения книжек о правах колобков
В кепках, без кепок, лысых и с волосами,
обыкновенных и рыжих,
Издающих и выполняющих дурные приказы.
Пока православный псих
Покачивает нагрудной иконой,
Сжимая в одной руке крест,
Другой намереваясь убить,
Бубнит бредовую конструкцию,
Природа входит в свои законы,
Время натягивает ограничительную нить,
Попсовики поют о революции,
Последние дуры читают конституцию
И одиночки начинают жить за двоих.

?

Мы тянем пальцы.
Главное - тянуть пальцы.
Арки стоп и лодыжки - будут дальше.
Пока главное - пальцы.
Это основа для обучения.
Это способ построения
Позы, не основанной на фальши.
За стенкой студии,
Центральной арбатской студии,
Люди сгорблены, испорчены и жирны.
Я не уверена, что за пределами существуют
люди,

Что эти ватрушечные эгоисты – люди,
И что мы с ними равны.
Подмосковье перестаёт напрягать.
Жизнь перестаёт напрягать.
Собака, лежащая на газоне
Вернее, чем из Песни Песней печать.
Я уже знаю, что главное - не начать,
А кончить не так, как принято в снулой
творческой зоне.

На кончиках пальцев бязь,
ИвАновская бязь.
Безопасное насекомое перегрелось и способно
отчаливать.

Переворачивали мир, веселясь.

И с другой стороны дожаривали мир, веселясь,
Гуманитариев переваривая в то, во что принято
их переваривать.

?

Сон учителя - благодная пора.
Ему видятся сотни рваных ран
И - летящие стрелы. Пока детвора
Бьёт в полевой бронзовый барабан,
Рисует карикатуры на мастера дзен,
Горохом набив трубки, калечит гипс -
Головы героев катятся вниз,
Доказывая неразрешимость теорем.
Сон учителя. Гомон, шуршание, гвалт,
СкАчки, прыжки, рваных рубашек треск.
Лучшие ученики встают со своих мест,
И царапают "жу" и "жоу" плоскости белых парт.

?

Держи меня за руку, **Джина**...
Куда мне до твоей свободы.
Люблю я только мимоходом:
Взяла и сразу положила.
Спускаюсь голой по верёвке,
Ты смотришься куда смелее,

Чем я - с верёвкой на шее.
Не хочется сравнений легких
На этом кладбище из фенек
Немузыкальная гитара,
Твоя оранжевая пара
Меня уже вот-вот разденет.
Поэт, пускай он даже пьёт,
Целует губы и ладони,
На Капри ли, на Оболони,
На рифмы тело разобьёт.
Поэты – худшая из каст.
Идёшь – а в он в затылок дышит.
И, ладно бы ещё, запишет -
Сочтёт построчно и продаст.
Живущий лишь самим собою,
Вздохнёт и сядет у колен.
История глаза закроет,
Разрушен будет Карфаген?
В двух шапках в честь зимы охотник
Мне до лисицы дела нет
И я запутываю след,
Надеясь, что меня догонят.

?

Глаголы несовершенны. Особенность стиля.
Глаголы несовершенны - люди тем более.
Дереализация начинается в средней школе
И заканчивается - в могиле.
Как я ждала, что ты не ответишь мне!
Существует одно, а воспринимается иное.
Двоеточие как мироощущение – «я с тобою,
Я вижу тебя вопреки всему до конца моих дней».
:

?

С некоторых пор мой храм на Марсовом поле.
Он перемещён туда с одной из центральных
улиц.
Загружается фильм Соловьёва, пластинка

крутится,
Не достаётся однозначной роли.
«**Червонный валет**» Марины технически сделан
просто.

У прототипов шрамы, как у малышки Леры.
Гению положена яркая дилемма,
Влечение не есть следствие одной эмфиземы,
Герой последней сцены...

*для традиционно неврубающихся в тему – я,
пиковый валет, мой герой;
хотя, я смотрю, уже и носители языка не
врубаются в этот контекстный последний
решительный бой*

Так вот, герой последней сцены чёрен, груб и его
манера

Решать проблемы - несносна.
Тридцати вариантов с возрастом - не хватает.
Неудобна апокрифичность в ограниченную
эпоху.

Шумным городом утомлённая, оглохла
Ожидаящая, что тишина условного леса -
раздавит.

?

когда вырубаются
некоторые **энграммы памяти** и
нейронная сеть временно не определяется
нейрохимическими основаниями любви –
не дай бог наткнуться в чердачной комнате
на глобус не земли, но осколка земного...
дом остывает, становится холодно,
но вроде угасший огонь разгорается снова.

?

жесть, да, это жесть -
когда кто-то не просто умирает,
а умирает из-за тебя
или у тебя
на руках

тут главное - сообразить,
где небо
и улетающей душе медленно говорить:
«ом
мани падме хум
красный, не забудь, иди на красный
не обращай внимание на шум
сирен, твой цвет в этом обруче – красный,
тебе уже не опасно
ни одно садовое
и смотри,
слёзы, если таковые окажутся
отвлекают ужасно -
поплачешь потом
надо шептать: «ом
мани падме хум»
пока тело
не выдохнет
не станет легче
на 17 грамм
ты можешь оставить его там,
где оно упало на тебя всем весом
душе больше не интересны
твои древнетибетские песни
про снежные вершины
она уже там»

?

Улыбки. Царапин дорожки. Укусов цепочки.
Следы на запястье зажатом.
Заплаканные глаза, кровоизлияний точки,
Шрамов канаты.
Разбитые телефоны. Разбросанные книги.
Усталость.
Разорванные блокноты и прочие рас-
терзанные вещи воспринимаются, как данность, -
в первый и последний раз.
Раздражение. Нелепость, запредельная глупость,
В научную степень возведённая.

Знаки любви. Так ты чувствуешь, что вернулось
Письмо, которого не следовало писать -
определённо.

?

Не проходит **каторга** бесследно.
Предугадывают непогоду
Возвратившиеся на свободу
По тому как ломит, ломит тело.
И собака чувствует - хозяин
Тихо приближается - задолго
До того, как он подходит к дому,
До того, как он в машину сядет.
Светом отраженным от погибшей
Миллиарды лет назад планеты,
Как простой предчувствие победы
Ты меня заранее услышишь.
Часто разум заменяет опыт
И с тобой играет злые шутки.
Иногда потерянные сутки
Большие потери означают.

?

С момента творения существующая в зачатке
Тенденция к созданию удобрения, взрывчатки
И совершенной формы с возрастающей силой урона
Вагоном кальцинированной соды
- сжимая колени, предупреждая рождение стона -
Изменяет свою природу, сдвигает вес эталона.
Зная заранее каждое слово кроссворда,
Шум восстания вжимая в рамки аккорда,
Дилемму каждым прикосновением обесценивая,
Повторением вечера трудного дня
- миллиметрами искусственной кожи скользя -
Подчеркивает необратимость движения,
Живёт, проползая улиткой поезда шеей татарского
полуострова,
Старой лошадьё вытравляя новые борозды.
Для того, чтобы отрывной календарный или
счастливый автобусный, не глядя, пробить,

Новую **точку сборки**, словно яблоко фокусника,
надкусить, подсвечивая иконку,
- *разорвать дневники и отступающему кинуть*
вдогонку -

В иглоку будущего продевая новую нить.

?

Вторую неделю не касаются нас
Переломанные руки боевых товарищей,
Родительские субботы на революционном
кладбище,

Влюблённые на мгновение, халифы на час.

Коллективные обращения депутатов

Европарламента

Не так актуальны, как сгоревшая кожа.

И то, что помидоры следует выбирать подороже -

Вернее любого сообщения с антисаммита.

Пока маршируют всевозможные армии -

Фашистские или даже сапатистские,

С одной стороны от профиля Макса - Лиска,

А с другой - Зелёнка (*впрочем, это не поселение,*
а умирание).

Поедаемые курортом, собираем мусор, вдыхаем
светлячков,

Вместе с сердцебиением каждым,

Радуюсь только существованию нашему

Среди коктебельских эзотериков и торчков.

Лицом ложась в воду, перемещаясь мелкой

птичкой

По прибрежной гальке, словно по минному полю,

Просим Шиву притвориться змеёю

И постоять со свечкой, наблюдая, чтобы всё было
отлично...

?

Торопливо прожить

Несколько нарицательных зим

Вместе. Клейкой бумагой прильнув

К Крыму. Спеша положить

Ширину лиги в длину.
Пережив подозрительных и доступных.
Оставшись самим
Собой - пусть даже тысячу раз побывав
В плену.
Торопливо пробить
Каналом ухо сочувствующему. В игре
Выходить победителем
Только в високосные дни,
Умирая каждый четверг.
Засыпая камин
Лепестками роз,
То позволять себе
За что другой
Неприменно будет убит.

?

Вокруг

В гнёздах на колкой траве
Выводятся паучки,
Колоколами выталкивают море медузы,
Кварц рассыпает сверкающие друзы,
Кембрийская глина трещит на солнце, усиливая
щелчки,
Доверительно выползает на солнце
Мелкая тварь,
Ящерица чертит тельцем этнику на продажу
И двухтомный этимологический словарь
Шлёт открытку с видами московских
многоэтажек.

?

Кризис реальности. Византийцев Эклога

Обрядила в рясы и тюремные робы.
Анна Михайловна, я почитаю Блока?
Проводник, ощущая присутствие тока,
Улыбается и говорит «Я не против, поскольку
Воздержание иногда порочнее пробы».
Сын Дебрянской и Дугина. Класное фото.

поле

Гарпии (*по треб.* - *ангелы*) летают над головою
И корпию щиплют. И в сон немного клонит.

?

сидеть и ждать, в то время как замок
послушно поворачивает кольца
ключи звенят ... не видно незнакомца
и неизвестно, кто бы быть им мог
ребенок тут, на маленькой подушке,
откроют или нет - не интересно
для эпилога подготовив место,
иду искать в лесу свою **кукушку**

?

Беременность соседки булочника, **Лауры**,
выгодно отличает её от бесплодной смоквы, от
товарки, что кричала при родах, но в горячке
смоклка и от принесшей семерых слабоумных и
переживающей насчет фигуры.
Завышенной талии круг – особенность местной
моды. Меня, певца тонконогих мальчиков,
пугают современные нравы. Снимая в планшетку
пары, выстукивая из кольца о стол отраву - чтобы
взглянуть в соседнее окно, выпиваю стакан соды.
Промасленной бумажкой обернув режущий край,
многоцветным трафаретом предупреждая
появление райтеров, зарисовываю прежнюю
плоскую Лауру, в окружении местного патера и
четырех однолицых монахинь, попадающую в
адамитский рай.

?

Город Парижской коммуной встречает: рельсы
Выгнуты, взломаны мостовые,
Над производным полем лежат кривые
Эллиптические - надо звонить местным.
Длинной вечерней улицей певчих толпы
Мимо кОстела в кнайпу ... Качает лампу,

Выполняя вытщенный фант
Приказание в раз даже не сотый -
Миллионный. Где же стоит копилка
Добрых дел? Куда опускает гривну
Ежедневную приходящий с повинной,
Обнаружив свежую кровь в опилках?

?

Теоретически **любовь** - это биохимия.
Одна группа клеток радуется другой
В тот момент, когда ты наблюдаешь за мной
Или обдумываешь первую букву моего имени.
Возможно, любовь - это медитация,
Интуитивное выполнение виньясы,
Когда телу виднее, какие атомные реакции
Соответствуют каждому делению часа.
Скорее же всего любовь - это принцип
Для n-ного количества человек, чаще - для двоих.
Любовь - подложные документы для перехода
границы
Которая находится внутри нас самих.

?

Любовь - невер траст, наполовину честно,
Несовременна. Твердость интуитивной
Fine-согласной для русского эрратива
ЧуждА, но в блогах, знаешь ли, повсеместна.
Сидя на двойнике из сорокотонок-
Грузовиков, думая друг о друге,
Будучи ближе, чем радиодуги
К центрам галактик, чем полусвет к полутону,
Как при полоцком князе Всеславе первом,
Набросав монашек в концертный райдер,
Под забором памятника на гей-прайде
Игнорируя правду, ссылаясь на нервы,
Перекачивай лестью солёную воду.
Превращай мусор в легкое топливо,
Прикальвайся тем, что так уродливо,
Что теоретически станет новой модой,

Возвращайся каждым вдохом в комнату спящего
Счастья. Пока рефлекторные сужения
Сфинктера зрачковой мышцы при пробуждении
И сила отрицательного сопротивления
Не начнут противоречить Настоящему.

?

Пример для точки растра:
Повязки, швы, уколы,
Вода с оттенком красным,
Любимым **Мариолой**...
Законы для влюбленных
Короче исключений -
Для лучшей обороны
Наивных укреплений.

?

Любовь к дальней
Я – вроде мерного стакана,
Отсчитывающего дозы -
Угадываю номер позы
В рисунке гарды палаша.
Вгрызающиеся воланы
Атласными руками машут:
Моя холодная Наташа
Не стоит и карандаша.
Останься перекличкой книжной,
Филологической коврижкой,
Застывшим клеем боли - лишь бы
Мой список не был завершен.
Лежащей рядом неподвижно
Давно пора придумать повод.
Мне кажется, любой, кто молод
Уже достаточно смешон.
Мерцает базисно тревога:
То челюсть клацает над ухом,
То кажется, что легче пуха -
Подуй – и улетит тоска.
Ищи царевну, недотрога.

Чужая кукла спит в кармане,
Скрипит под маскою зубами
И от того тебе близка.

?

температура... бред... что делал малевич,
если не создавал дуальные чашки?
структуры тонких тел в небесном барашке...
где ты покупаешь такие рубашки?
зачем убил своего серого волка царевич?
я сижу в своей радиорубке -
два километра до поверхности почвы
я по-настоящему заморочен:
каждый, способный сюда спуститься, хочет
оценки его героического поступка
выключай уже свои индийские танцы
не умею выдерживать ограничения
я хочу лимонов и прекращения
ожидания грядущего перемещения
на несуществующую в этой реальности станцию
больно больно больно и будет больше
больше, чем выдерживает колонна
за атланта в данном случае мегатонна
несовместимого с жизнью урона
и у тебя, родной, предел такой же

?

На **микробиологии** мы изучали свертываемости
время. Речь тогда не шла о связанном с этим
временем отчаянии, о бессмысленном ожидании
тех, что любить не умеют. Мы с Леной просто
следили за стрелкой и за тем, как кровь
переставала литься. И не имели значения
многочисленные статистические заметки о
возрастающем числе самоубийц шведских в
сравнении с нашими, русскими, самоубийцами.
Вообще, тогда мало что имело значение. Моя
первая любовь была божественна и курила на
лестнице. Время только ещё начинало ускорять

?

Отражению одиноко. Лицо постарело.
Рука изуродована. Синяки скоро пройдут.
Для того, чтобы скрыть боль - существует тело.
Для того, чтобы забыть пряники - существует кнут.
Тридцать девять. Я распадаюсь на кварки.
Тонкая оболочка твоя кружится рядом.
И ладонь простым новогодним подарком
Будит ночью - 'Слышишь, спать не надо'.
Оси координат отсутствуют. Особенно первые две.
Про трехмерность говорить не приходится.
Все говорят, что я - сама по себе.
Но разве это не повод - беспокоиться.
Отражение покидает. В отличие от,
Ему нельзя запретить. Все уснули,
А оно ходит по твоей кухне и пьёт
Из твоей чашки. И тихонько сидит на стуле.

?

Потребность побеждать симптоматична.
Мой дом засыпан снегом. Не успели
Сыграть. Но спутник сбит и всё отлично.
Нет связи. Есть координаты цели.
Мой дом засыпан снегом. Я сижу
На печке. В этом доме все несносно
Похожи на меня. Я нахожу
Со всеми, даже с кошкой местной, сходство.
Ты пробуешь на зуб, кидаешь битку,
Ты режешь комнату. И снова данность
Позиций лжёт. Скрипит, скрипит калитка
И ты считаешь, сколько же осталось.

?

Прежде Иуды вешались. В наши дни -
Начинают вести здоровый образ жизни.
Что-то заклинило в вечном механизме.
Скачет игла по диску, рвёт ремни.
О, достоинство избранных - дно морей,
Тишь глубин, твердь безмятежных снов.
От слова "подлец" множественное число
Вместе с водой аквариумной слей.

?

Приставляю слепого солдата к каждой жалобе.
Засада из дствениц и неказистых жён Одиссея.
"Тру - не тру?" - гадают повешенные на рее,
Наблюдая за нашей игрой на верхней палубе.
Прикидываясь Линнеем
(или грустным леммингом из "Не смешно"?),
Определяю новые виды в компанию "странных".
Вдыхая распиленное на прямоугольники

оргстекло,

Думаю о невозможности быть на равных.
Шагаю вниз, отказавшись от действий прямых
И не очень. Лечу в никуда. Кажется - стою на
месте.

Как всегда, работая за неизвестных мне
десятерых,

Третий день наблюдая, что снова поются песни.
Собрав все отражения по зеркалам,
Воспоминания выбросив вслед покойнику,
Красное яблоко разламываю пополам
И одну половинку оставляю на подоконнике.
Абсолютное счастье смешивается с шелухой
Ремарок, покачивается пролетающим

вертолётom,

Лепестки и пшеницу рассыпает детской рукой,
Прячется бутылкой шампанского в сумке
пилота...

?

Столько лет от одного прикосновения до.
Большая часть жизни уходит на ожидание.
Места силы не выдерживают наших свиданий
И проезжают на новые станции метро.

?

Римского друга у меня нет даже для темы.
Я отсюда давно бы к нему свалила.
Мне не кажется эта страна местом силы
Здесь быть Сенекой и писать Луциллию -
большая проблема.

?

Это хорошо, когда можно отрезать от лозунга "**нет**"
И повесить его, скажем, на балконе.
Я пробовала. Мне не помогает этот метод.
Не проходит.

?

Пролетарии дрались, собака лаяла,
Оля Ильина собиралась в Лондон.
А нам оставалась зелёная зона нашего города
И два хиповых одеяла.
И мы могли бы провести иначе этот вечер.
Но, кажется, мы, всё-таки, дружим.
В этом декабре точно такие лужи
Как после тропических ливней в Керчи.
С какой скоростью движется авто, не рассчитать,
Пока авто тела твоего не касается
И не отвлекает от боли в груди, которая
появляется,
Когда боль от порезов перестает отвлекать.

?

прыгай
современники,
ближайшие по гауссовому распределению,
увеличивают давление
со всех сторон подбрасывая дрова в истерику,
святой простотой намекая на оконный проём
и подталкивают носами - давай, давай
поскорее уже собирайся и умирай
седативный сбор номер три - такой же стрём,

как и сбор номер два
хорошо бы камню лежалось
штормовое предупреждение
начинает действовать через мгновение
осталась самая малость

?

Феномен пропущенной фундаментальной -
тебе это преподавали?
Интересная штучка, но, в то же время,
банальная... Мы - утерянные детали.
Собирая свои кости в глубокой траншее около
разбитой машины,
Труп водителя с переломанной шеей вытаскивая за
шиворот,
Почувствуй, что максимальная амплитуда тебе
недоступна,
А существование сродни чуду... Препятствовать
закономерностям — глупо...
Все гармониками делятся на последовательные числа и
отменно молчат.
В нашем случае они еще производят на свет мысли и
ползут по брусчатке.
Минимальное и желаемое время между двумя
импульсами,
Помимо отклонения в теме, приводит к
радиоактивному выбросу.
Концентрация первых семи нижних гармоник
повышает в крови все прочие концентрации -
Внутренний человек закрывает лицо и стонет – он не
придумал приличного способа сдаться.
Бредовые тонотопии - теория места в психоакустике -
жуткая физика вместо нежности.
Наушники - это всё равно что наручники - какие-то
б-д-с-м-овские принадлежности.
Приковывают к самой высоковольтной линии - и не
прислушиваются к мольбам и просьбам.
Попробуй, выброси - фантомные тоны Тартини
встречаются не только при двухголосье
Они визжат в голове, как сумасшедшие осы, и всё из-
за того, что улитка больна немного
И гидродинамические процессы остова не

И больше ничего не знать
О курсах скупки и продажи.
Себя так просто убедить
И нитроглицерин рассыпать,
И безглагольно дальше жить
Во времена войны и гриппа.
И телефон в окно швырнуть.
Амфетамином сжечь усталость.
Себя так просто обмануть,
Гораздо проще, чем казалось.

?

Сижу на груди красных яблок -
Убийцей, хамом и злодеем.
И, выбирая покрупнее,
Любить иные не умею -
Как Аргунов любил крестьянок,
Широкой костью знаменит...
Бегущих полем на рассвете,
Плетущих кружева и сети...
Должно стоять здесь слово «дети»,
Но, почему-то, не стоит.
Молчи. Меня не вспоминай.
Ногой примятый хлебный колос,
Смешной, как «Уголовный кодекс»,
В Джоанну Бэз влюблённый голос,
Стеклом закатанный в насвай.
Ищи себя, поглубже рой,
Нажми на черенок лопаты:
Во время бойни – все солдаты,
Все офицеры – неженаты
На линии передовой.
А я пойду поэтов слушать.
Вторая осень плодovitа:
Она сплотила у корыта
Уродливых и знаменитых,
Стремящихся себя разрушить,
Желающих не вспоминать,
Что в море беспринципных лекций

Нельзя забытья и согреться,
Что **магазин индийских специй**
Удобен, чтобы рядом врать.

?

От неуспешности не спрячешься полностью за
штанами назначенной 'любимой'
приштампованной женщины.

Выбирать на должность получающего затрецины
Надо с паранойяльной осторожностью.

Сила группы не вытягивает паранормальной
саттвичности:

Сосед падает из простейшей асаны и рассыпается
на атомы.

Да, сосед ищет работу - но не положено
работать архату, и поэтому сам поиск поставляет
препятствия в огромном количестве.

Мой великодушный банкир болеет ангиной,
Я честно исполняю предписания, я внутри
нейтрального блока.

Он говорит, лицензия у моего бога истекла:

'Пасифая, ты любишь скотину!'

?

Способность тела чувствовать и желать осталась
в прошлом году, съевшем меня одновременно с
фиолетовой книжной полкой. Раньше хотелось
петь **censored censored censored** без умолку -
сейчас пространство и время кажутся чем-то
пошлым.

Предполагалось тобой - и какой-то блядью - что
пустота душевная наполняема при отсутствии
абонента. Умерли все возможные номера, но это
не помогло. Вместо ээг - изолиния, в
просторечии — черта.

Аппарат ИВЛ переклинило на нездешних
длиннотах. В доме повешенного кухонные

разговоры давным-давно не касаются богов.
Любители Торы и Бхагават-гиты читают
совместно Книгу мёртвых.

В честь похорон, а, может, в честь шипованной
подошвой наступающей даты, вечерняя
безысходная боль разрешается ночным
скандалом и кода утра требует такого накала, что
меня снова выворачивает наизнанку.

Как отличник, даже в реанимации
существующий по инерции,
мешая спасительную кашу каждый воскресный
день обдумываю, чем бы ещё украсить
подаренную тобою мишень и шепотом повторяю
слова Бродского из нобелевской лекции...

?

Мой защитник говорит за деньги.
Обвинитель говорит бесплатно.
Ладно.
Мистерия,
Начало первого акта.
Фрида, ты запиши всё это также бестактно,
Как конвойные рассматривают твои колени.
Я полагаю, что я пишу стихи.
Это - работа.
Вы не думали, что соберется столько народа?
Это что-то.
Если бы вы получше пригласили -
Пришло бы пол России.
А это так, даже не преторианская когорта....
Не каждый день судят поэта?
Разве?
Ну, может, не судят, а мешают с грязью,
Походя, до обеда,
Вместо обеда и после обеда
К стихам относятся, словно к опасной заразе.

Так называемые стихи - к вопросу о пользе -
Поверьте, я весьма компетентен в данном
вопросе -

Так называемые стихи -
Во всё, что снаружи и внутри
Упорядоченность привносят.

Дайте в камеру бумагу и перо.
Дайте человека, у которого есть лишнее ребро
И свидетеля обвинения,
Которого бы не звали Смирнов,
На котором бы не стояло тавро
социалистического просвещения.

Проблема в том, что вы все меня не знаете лично.
И это проблема ваша,
Это у вас на лбу отпечатан Ильич.
То, что вам кажется страшно
Антисоветским - на самом деле типично
Человеческое и многократно описано в притчах.
Впрочем, вы не читаете притч.
Я не понятен народу -
Стихи не взвешивают по полкило.
Я предпочитаю изменить народ.
Это проще, чем изменить собственную природу
В угоду собранию, которое любому уроду
Верит больше, поскольку у него в руках - кайло.
В отдаленной местности,
Полагая трудом меня излечить
От способности критически мыслить...
Глубиной резкости
Сложно скрыть ремарку чекиста.
Пригласите пристава.
Дело проиграно?
Кем проиграно дело?
Теми, кто в центре, кто в клетке,
Кто в односторонней разведке,
Теми, кому принадлежит моё тело
Теми, то справа, или теми, кто слева?

?

так же методично, как когда-то медиевистику -
читать, каждую новую тему принимая как данность
нечеловеческую вдыхая усталость
старого пожелтевшего самиздатского листика
так же **безжизненно**, как когда-то классификации
токсических и наркотических препаратов
с трогательным намерением разобраться
в бумажной лжи своего великого брата
так же патетически, как играют вечную пьесу
разменивая своё сердце на кусочки негатива
к неравноценной сделке не испытывая интереса
продолжать верить хотя бы интуитивно
так же недоуменно, как когда-то вполоборота
перед сценой протягивая свою пластинку
за особенностями интернациональной охоты
за особенностями интернациональной работы
видеть только свою найденную половинку

?

Господин поэт номер один
Сказал,
Что Господин поэт номер два
Не поэт вовсе, а графоман.
А мне кажется, что оба они...
Господин поэт номер два
Лакмусом
И более актуальным Гауссом
Высчитывает рифмы ярусами,
В аверсы монет забывая слова.
А тем временем в Чьяпасе
Солнце горит.
Господин поэт номер три
Выигрывает литературное пари,
Сфотографировавшись в нужном ракурсе

?

О, если бы, как раньше, я могла
Надеяться, что боль моя пройдет
И на вопрос обычный "Как дела?"
Не отвечать "**Тринадцать восьмьсот**".
Глаза изнеможенных матерей
Не замечать. Как раньше, раньше жить...

Читать про удивительных людей
И социальной ролью дорожить.

?

ты стал писать так плохо, что теперь
за тканью текста
нет никого; как недобитый зверь...
не вместе - вместо...
убиты книги с крайнего стола
замучил красный
напрасно доктор шил, плыла игла
да, всё - напрасно
вечерний ежедневный приговор -
я одиночка
взорви надежнейшую из опор
последней строчкой
трясёт от города - увижу - нет
и знаешь, даже
в случайном слове я ищу ответ
и в букве каждой

?

Тебе правильно кажется, что меня занимают
Черно-красные бабочки с золотыми лицами,
А не обнаружившаяся накануне 1 мая
Молодежная левая оппозиция.
Болтающий ножками на стене «Эрмитажа»
Смеющийся музыкант из «Музыки Радикум»,
А не кажущийся всем особо важным
Субъект последней сетевой паники.
Не бои в Копенгагене, не отсутствие в Москве

пандуса,

Не Всемирная неделя действий против вивисекции,
А то, что температура бывает выше на полградуса
И этого иногда хватает, чтобы совершенно согреться.
Упрашивая каждую знакомую птицу молиться о тебе,
Рассыпаю горстями просо...
С благодарностью чужим квартирам
Отмечаю красным только те дни в календаре,
Когда нас ненадолго забирают из этого мира.

?

Факелы держит в руках своих, светел как греческий бог — кто в белой тунике идёт, камни тревожа руин Пантикапеи? Венком моим вознаграждён, он, влекомый к белым колоннам вниз, друг мой и мой господин, сердцем стремится. Цикад пенье, шорохи крыльев мышинных, крики испуганных птиц, сопенье разбуженных нор - громким оркестром приветствуют робких ночные вершины южных сжигающих стран, винами льющихся с гор. Так он прекрасен, что стихли небо, земля и погода, словно готовится бой. С моря наплывшая тьма тает - танцует девушка, древней покорна природе, любит другого она и медленно сходит с ума. Сцены Ареса проиграны, кажется, всё мы успели. Дробью трамвайной грядёт, окнами выбит и хвор, воин, случайными рыбками словлен обёрткой постели. **Сила верней красоты.** Истинно. Сумерки. Хор.

?

Знаком мне этот **мертвый коридор.**
Обычаи, хорошие манеры,
Привычный современнику террор
Приятен новогодним чувством меры.
Все, кто остался жить - просты и серы,
Истлел демократический забор.
Примерил шапку Мономаха вор
Великовата. Шапку продал он.
Сокамерник царит, теперь он наш Дракон.
Кричит, кто помнит - нас перестреляют.
Иные времена - удачный брэнд.
Закончим шутки. О, не забывает
Лубянской зоны крышу диссидент.
Конторою поставленный акцент
Биографы усиленно стирают.
Арго в фаворе - новый претендент
Прокладывает ровную дорогу

Среди идущих в храм к коричневому богу.
Наш коллективный разум повреждён,
Порядочней считается идиотом.
Из тех, кто знает - каждый укрощён,
Левее левых - ходят на работу.
И мне уже подсказывает что-то -
Так будет вечно, до конца времён.
Стремительна прицельная охота.
Рабам, спокойным с некоторых пор,
Дороже всех цветов посмертный триколор.

?

Утро. Растертым маком в ступке – небо.
Нёбо, пораненное полимерной пластинкой.
Мне бы второе погружение, мне бы
Номер очереди сердечка калинки.
Втиснуться в эту напрасную законную
Плоскость постоянным своим присутствием.
Выбраться. Не играть лишнего кона.
Спеться, не выглядывать из-за бруствера.
Зная, когда проснешься ты, напевать,
Думая, что сонным ты много лучше, чем.
Падающие камни уверенно отбивать,
Под потрескивания микросхем.
Видеть, что вывернулась перчаткой пасть
Пса, разгрызающего малую берцовую кость,
Высказаться в ключе, что вернее было упасть,
Чтобы за тобой бежать не пришлось.
Верить некому. Так подзамочна суть.
В каждом слове прежний предательский ритм.
Градусник... Горошинками катится ртуть...
Слушай, выстукивается рефлекторный гимн.

?

Хочется - книжки, взрывающейся в вагоне метро
В руках сонного ближнего пассажира,
Ощущения пропасти вместо целого мира,
Руки, вышибающей из барабана патрон.
Прежнего безумного доверия несмотря на

Незамуфтованные карабины и слабость тел,
Хочется, чтобы ты на меня смотрел
Не только, когда я падаю из компьютерного окна.
Оранжевым сапатистским лыжным кирпичом
Хочется быть в чужой маломерной сумке,
Научится ходить по тобой натянутой струнке,
Рассмеяться, расслабиться и быть не причём.
Всего то. Слышишь, как белой палкой бьёт
По стене, по граниту, по ногам людей слепой.
Пневматика осторожно захлопывается за спиной
Просит "**не напоминать**" и надеется, что всё
пройдет...

?

Солнце! Вдохни...
За цветочную пыль вычитают жизнью двадцать...
Если, конечно, верить в реинкарнацию...
Мы как-будто одни?
Если долго лежать в траве,
Протянув в руки к тебе -
Бесконечная ммммииниии -
Забудешь все трамваи, вдоль которых слова текли,
Телефоны, на которых одни нули....
«Нет денег – займи...
Нет сил – звони...»
В общем, так говорит мой безупречный друг,
По совместительству - доктор сердечных наук...
Мы как-будто одни...
Скачаем «Питер FM»...
В хороших фильмах героя убивают по три раза...
Что может быть лучше, чем маниакальная фаза?
Слово «**Зачем?**»...

?

Благодать определяется учителями различно
(особенно окончательно бросившими пить).
Некоторые утверждают - она вторична,
А кто стоит за... Ничего личного,
Но о том, кто за, здесь не с кем даже
поговорить...
Доминанта оригинальности утомляет.
Лучше яблоки, тмин, уксус, гвоздика и перец.

Только отсутствующим обладает
Каждая травинка этого рая,
Надкушенной антоновкой убывая в месяц.
Книги сложены. Отречение подготовлено -
От всего, что будет противоречить истине.
И ты, ученик усердный, но условный,
Следи, чтобы чаши весов были полными
И белые простыни — чистыми.

?

Что давали на завтрак? Практику и идеологию леворадикального движения как проекцию постмодернизма; расписание лекций школы, в которой работают примечательные педагоги; анархическую рассылку - как тему для размышлений от Сну; "Гедонизм" и "Любовь" от К.; от Киры Суботина - текст про охрану культурных границ символической родины; сквоттерское движение - как способ продлить персональную весну. Грустную самоубийцу из Самары, висящую за чужой траффик; килограмм отличного солнца; "Симпсонов" и семейную ссору; несколько телефонных - про Алтай и про Раду — разговоров, приглашение в гости к художнику; паршивую листовку made in ВПК-Патрик; размышления о том, когда привезут для FNB хлеб; очередное предательство; цикорий с кунжутом и шоколадом. Кажется, для завтрака в одиночку - больше чем надо. Но, в общем, это сильно отличается от того, чего бы хотелось мне.

?

Чудес не происходит. Взгляни на Ивана -
Третий месяц целует свою жабу.
Болото хохочет: больно оно надо
Перевоплощаться для такого болвана.
Грустит его тёзка у стеклянного гроба,
Всё испробовал, но мертвей мёртвых
Лежит невеста. Видно, старается плохо,

Видно, его любовь слаба, чтобы.
Живая вода рыцарю - что простая,
И вопрос его Рыбаку не задан.
Не превращается в воинов серое стадо,
Друг в беде не познается, а убивает.
Запах кондитерский словно запах морга.
Спит обыватель, уже подписана бирка.
Трамвай трясёт, словно от нервного тика -
Кого-то перерезал он по дороге.
Я - **горящая фотоплётка**, мишень в тире...
Наматываешь внутренности на руку,
Упиваясь жестокостью. И с каждым звуком,
С каждым стоном улыбаешься шире.

?

Шестьсот сорок шестой растворяет всё, даже грунт. Остаётся чистый холст. Это - номер растворителя. У ненасилия имён множество – и шестьсот сорок шесть – метод, который прост. Есть, к примеру, ван-дик, черно-коричневая краска. У Рембрандта ван-дик – это основной тон. Если вы ходили на недавнюю выставку в Пушкинском, то прекрасно представляете, как голландцы делали фон. А есть, скажем, капут-мортум, черно-красная. Она плоха в смесях и её редко можно применить. Для чего-то она всё-таки существует и многим не ясно, покупать ли её для палитры или забить. Нам, исключаяющим всё хоть немного черное, попроще, чем вынужденным проявлять терпимость, из-за высокой концентрации внутренней жестокости, в любом убийстве чувствующим необходимость. Фа, антифа, антианти – логически несовершенны. Поэтому в предвыборном спектакле даже с маской стыдно играть. Имеет значение только вопрос выбора жизненного метода. Тем, кто очень остро чувствует правду©, не из чего выбирать.

?

Я говорю - **соперничества** нет,
Но Кранаха сейчас я сжечь могла бы.
Ведёт за руку, безответно
Меня в свои включая планы
То, в чём соперничества - нет.
Тяжки, тяжки безумия оковы -
Мне больше ни к чему твои сонаты.
Листок, доверенный дверям церковным,
Ты не поверишь, тут же сорвала бы...
Тяжки, тяжки безумия оковы.
И всё, что в этом мире происходит
Из края, что передо мной виновен,
Что не ко мне одной домой он ходит
Я уничтожила б любой ценою -
Весь край, что передо мной виновен.
Но слышишь, Цезарь, я совсем спокойна -
Не то бы вся земля была руинах.
Все страны передо мной давно повинны,
Что от меня к их дочерям уходят.
Да, вся земля лежала бы в руинах.

?

Закрой решетку. Тише говори.
Урок жесток. Шесток убогий шаток.
Порядок сбит и делится на три
Бессоницы нечеткий отпечаток.
Страница из замятинского «Мы»:
Не хватит рук для камер и смотрящих.
Прозрачность и обыденность тюрьмы,
Привычность - свойства тюрем настоящих.
Приди, пересчитай – их сорок два,
Закатанный в бетон условный возраст.
За две недели до в свои права,
Как вол, бредёт одной из прежних борозд.
Со словом «кризис» шутит он. Едва
Редактора журнала «Современник»
За картами качнётся голова -
Ты цензору сольёшь немного денег.

Спокойствие лежащей на плече,
Соломенные волосы - вот повод
Жалея жертву в каждом палаче,
Свидания предчувствовать, как голод.
Как некоторым образом смешны
Рефрены, катехизисы повстанцев,
Права, которых все здесь лишены,
Бред стариков и страхи новобранцев,
Так невесомость тела не Земле,
Иначе - **независимость** от прочих,
Лишь кажется реальностью тебе
Сложна с утра и невозможна – ночью.

?

Я из атеистической интернациональной семьи.
Мое серое детство состояло из трех библиотек,
«Юного натуралиста» и «Пионерской правды». Я
писала в КИД и, как герой Бодрова, не
представляла, что людей пытаются по каким-то
признакам поделить. Вы будете смеяться, но про
то, что и в современном мире есть «евреи», я
узнала в 17 лет, в гостях, рассматривая
генеалогического древо. Там я увидела Руфь,
Зуся, Рахиль и Моисея, услышала про
проломленную голову - оказалось, что это
реальность, а не историческое наследие. На
еврейский вопрос был однозначный ответ:
Наташа. И это не требовало никаких
размышлений. Читая впоследствии любую
новость о Израиле, о дорожной карте или книжку
о войне, в любой еврейке я видела её черты и мне
было за неё страшно. Нас кормили солдаты
бундсвера в Германии, в городе-побратиме,
вроде как они веселились, но русские дети не
смеялись. Мы были малы, пытались не париться,
врубаться, учить слова, но что-то осталось в нас
от концлагерей, от курок и яек, и это
неискоренимо. Потом нас, разнонародных,
самоотверженно держащихся за руки, повезли в

парк развлечений на качелях качать. На аттракционах мы были все вместе – по двое для территориальной дружбы сажали. На резких поворотах немецкие дети кричали. Никто из русских детей при немецких детях почему-то не мог кричать. Нельзя перегнуть, если не гнётся палка. В пиццерии меня познакомили со своим дедом хозяева. Он пил пиво из высокого бокала. Он обрадовался, что я с Украины – он там воевал. Он хохотал, а мне было его - и вообще весь этот народ в целом - очень жалко. Дали была моя институтская любовь. Беженка из Ингушетии, разгар первой чеченской. Мне не было про эту войну известно, но я по определению с тех пор на стороне гор. Горы для меня были – лицо Дали, и я знала, что для неё я на всё пойду. И стало быть, любой с таким лицом был хорош. Но через год Дали показала мне нож и сказала, что убьет, если я вдруг нападу. На лекции про психологические защиты я отвлеклась на мысль о воспитании интеллигенции и не уловила нить. Кроме избегания я ничего не поняла из темы. Поэтому я всегда решаю с помощью бегства проблемы и не думаю, что есть перспектива это изменить. Так вот тогда я сдала назад, но сохранила общее **ощущение незаживающей раны**, причины культуральной ненависти к людям иной земли. Но всё-таки я по хорошей привычке для себя представляю Кибировыми детей Беслана, а темнокожих, погибших от цунами на Шри Ланке, – Сандами и Нильмени.

?

Вижу, ты не любитель кровоподтёков
От рюкзаков, наполненных тиражами.
Впрочем, любители - в принципе - окружают,
Подпирая стену - неподалёку.
Так любовь избыточная сминает

Рёбра, весом неподъёмным ложится
на сердце, бременем разрешиться
Не может, кроме как с лаем собачьим,
Отжимая, разрывая и скручивая -
Чёрной краской внезапного раздражения-
Ластика затирает мгновения
Страсти терпимой... Эдакая падучая
С пеной, с полосками от подошв на стенах,
Однообразными воплями sms-ок,
Эпистатусами молчания в довесок,
С единорогами выцветших гобеленов...
Мне когда-то казалось что слишком мелко
Набрано, всюду сквозил подстрочник -
Чутким сном... А нынче широкий почерк
Оставляет пространство для переделки.

?

Если бы **нежность**... Тут - помощь зала,
Такие плавные фэйды с конца и с начала,
Принятые у слушателей нашего круга.
Все читали Фрейда, психоанализа мало
Для откровенной сессии, давайте также про
Юнга.

Если бы нежность... Зная о катастрофе,
Лежащему небоскрёбу приносят кофе
Со сливками испытанной вакуумной бомбы.
Каждый из нас – кто-то в кофе - в какой-то
области профи,
Судя по ниточке - ты знаешь эту рубашку -
оторванной метки пробы

Если бы нежность... От резкого перегрева
Переплетений запахов странных имён нашего
древа

У наблюдателей полетели продольные оси.
Если к кому-то и равнодушна прекрасная дева,
То не к чудовищу, которое её уносит...
Если бы нежность... С другой стороны – не худо
Просидеть в тереме в ожидании чуда
Лет двадцать и потом разгуляться,

*Сказать русской печке: "Ну-ка, вали отсюда",
И, как в открытке, "ничего притворяться"...*
Если бы нежность, полагаемую правдой,
Вместо проверки паспорта у преграды
Случайной вытолкать, ударить о стену...
Но кроме неё здесь только сонное стадо
Каменных тел, подсевших на простую измену.
Если бы нежность, которой теперь не хватает,
Даже на день, которая убивает...
Опять глагольная, что ты будешь делать...
Почему же она всё-таки не сгорает,
Если солнце таки подошло ближе и село?
Если бы нежность каждым жестом не мстила
Тысячелетиям, кои она пропустила,
Не скрежетала зубами и руки в карманах
Не держала бы, сердце бы не делила...
Яблок мне принеси, Лукас Кранах!..
Если бы нежность могла как-то иначе -
Собакой с поджатым хвостом, или, тем паче,
С синяками предпочитаемой гаммы -
Был бы это не Кранах, а Терри Пратчет,
Плоская сказка вместо практичной драмы.
Если бы нежность, очки приподнимая,
Дожидаясь на остановке трамвая,
Поражаясь изменению тока накала
Нити, бледнея, краснея и понимая,
Наконец, с чем имеет дело, не так роптала.
Если бы нежность в пустой абоненский ящик
Заглянула, сверившись с настоящим,
И - рассыпалась серенькой ртутной крошкой,
По дребезжащим, дрожащим и дражайшим,
Я бы улыбнулась, свернув окошко.

?

Спрятан в шкафу пузырёк с крепкими снами.
Что мне друзья, усталыми голосами
извещающие: «**Лимит обращений исчерпан**»,
форсмажоры – землетресения и цунами,
перевороты, войны, стычки с бонами?

Что мне двусмысленность сочетаний литер,
выстиранный от случайной крови свитер,
край пропасти, неглубокой по здешним меркам,
по которому вы, читающие, скользите?
Что мне поезд, который увозит его в Питер?

?

Видишь - не твой. Пережди. Проведи мимо.
Фантиком за ограду. Можно смеяться -
Станции нет. **Прочерк**. Необратимо
Наше падение. Сколько же декораций,
Преодолимых разве усилием воли,
Губ усилием, усилением грубым,
Бранным словом шипящим, текущим вдоль и
Расползающимся по поверхности куба,
Четким внутренним знанием перебоя
Ритма, слабостью умирающего желани
-я, линией сгиба-отреза-отката-отстоя-
сдачи-отдачи-обмена-ошибки на плане-
Передоза. Пара шагов до простывшей кухни
Пилигримкой кажется . Нет, походом
Крестоносным. Того и гляди – рухнет
Тело очередным аккордом пустого года,
Щиколотку подвернет, прыгнув неточно
С парапета, угарный кадр поднимая,
Скажет мне, что уже ничего не хочет
Или почувствует, что я и так это знаю.

?

Пуля - штука тоже, в принципе, проходная,
вроде куда не годного текста,
на первый взгляд. Однако - изнутри разрывает
человека до структуры опарного теста.
Парные вещи разложи... Я буду согласна
верить в любые силы за остановку
четкой случайной музыки. Раз на
раз не. Приходится жить, неловко-
стью оправдывая пустоту. Заминая тему,
выдерживая паузу, закрывая счёт.

Нарастая внутри себя минором ре, му-
лине переплетая. Ночь навылет. Ночь напролёт.

?

Пальто Маргариты, ясное дело, рвётся,
Швами молодости второй расходится,
Нитками тлеет, выгорает на солнце
Флагом - пора идти дарить его модницам
Вокзала. И меня отнеси тому, кто проще
Отнесётся к раздраженной слабости. На
Изусть вызубренны псалмы, пророще-
ное в чашке зерно голубого льна
Сохнет... Он, без сомнения, доберётся
До первого тома, в метро потерянного -
На закрытой на год Электrozаводской
Или на Пражской. Точно не уверена.

?

«**Индифферентность**» -

Удвоенное,
Откровенно парное.
В мире, где бедность
Оскомину,
Удар за ударом,
Набивает, невежливо
Быть таким
Богатым. Категорично
Лишние буквы срежем,
Усредним
До безразличия.

?

Маленький город отличается от большого
пристальностью; ты на ладони и у тебя на ладони
- от этого чувство меры. Парочке, лежащей на
газоне провинциального Дома пионеров,
накрываться дерюжкой бессмысленно - всё равно
вычислят. Зависимость абсолютна даже для
собачьей преданности. Мелкий пес, если бить его

ежедневно, поскулит, повоет и умрёт. Собака
серьёзного роста посмотрит-послушает-потерпит
и загрызёт, типа: можете меня теперь
пристрелить, но найдите своё место. Выбрасываю
розовые лепестки в окно, а всё прочее в мусор,
Неожиданно обнаружив границы своего
терпения. Это безразличное спокойствие так
похоже на старение, но ещё больше на какое-то
другое основное чувство. Еду в пригород. Слава
Великому Джинсовому Богу, москвичам
с этим проще. Когда хочется на предметное
стекло микроскопа - выбор огромен. Да
здравствуют вокзальные толпы, да здравствует
Любовь, убегающая по их покачивающимся
плечам...

?

Мы будем идти по улицам, похожим
На улицы Ирака в будущем,
На самые безлюдные в мире улицы.
И винты без нашего участия закрутятся -
По едва ощутимой дрожи
Поверхности земли мы это почувствуем.
Разглядывая вертолёты,
Ужасаясь их цветом и нацеленностью
На пожар, будем сидеть в облаке смога.
Книжка без переплёта -
Всего только повод для неверности,
Картинка предназначалась для эпилога.
А бабочки... ну – это же традиционный
Символ возрождения
Души. В этой гари я
Нежелательна, незаметна, невесома.
Предупреждая твои возражения,
Отключаю комментарии.

Мы -

Одновременно

Контркультура, секс и политика.

Не рабы,

Но азбучно работаем в три смены,

Раскручивая диктатуру до последнего винтика;

С осторожностью сморщенного аналитика

Ударяя каждому прохожему в пах коленом

За попытку усомниться

В нашем праве «идти на вы».

Льнет

Белой блузкой,

Распахивающейся на груди.

Пьёт

Совершенно по-русски,

На всех прочих языках кричит «уходи».

Пропадай с кем хочешь, с кем угодно броди.

Жить исключительно плохо.

От такого общего чувства,

Что на этих незавершенных стройках мы не одни,

Что не стой под стрелой (большое тире) убьёт.

Спи -

Это повод

Прийти сновидением

И железно сжать твои запястья.

Прикрепи

Красный провод

К будильнику, отсчитывающему

Последние мгновения сучьей власти.

Вечного непослушания праздник

Помогает от хронического кашля

Лучше, чем солод,

Впрочем, восстание –

Единственное народное средство, которое гасит

Моё раздражение,

Увеличивающееся без твоей любви.

?

Жить -
Ждать
Желать
Жалить
Жалеть
Сверху
Смотреть
Смеяться
Сжимать
Слушать
Врубаясь
Вклиниваясь
Восторженно
Вливаясь
В тебя

?

Глаголов достаточно. Это отличные доводы.
Прочие части речи — дискредитированы.
Вычеркиваем излишество поисков повода,
успокоительные эффекты литров пива.
Панков из «Билингвы» тоже вычеркиваем. Даже
вегана – эти мне особенно надоели - лучше бы
множили на ризографе антипутинскую
«Вечёрку», а не отнимали бессмысленно время.
И, пользуясь случаем очевидной непечатности
Этого текста, благодарю от твоего имени
мальчика, наблюдавшего за вчерашними сценами
с бестактностью, достойной опытного собачника
– с того момента, как ты махал рукой Антику.
Возвращался от любимой, подобрал раненого,
Смеялся, говорил – не плачь, к чему устраивать в
вагоне **Атлантику**, и, поддерживая за локоть,
приостановил умирание. Всё смешно и наиграно.
Провинциальный актёр дал бы фору любому из
персонажей пьесы. Для праздных зрителей это
комедия, для участников - кровавая месса: «Я
тебя выдумал и я же тебя стёр». Контрафакт,

нелегальный и недоступный, игрушка, которая давно надоела, птички расстрелянной тушка, плавающая у берега, попутный камень, разбивающий голову сидящему у окна электрички... Ужас соединения, обещающего быть сильнее любого химического, воды тяжелой медленнее, затягивающего на шею от любого движения. Тиски такой несвободы, которой оба мы не умеем. Когда всем – кроме нас – всё отчего-то очевидно... (Расстояние это в оценочном случае преимущество...) Мне остаётся слушаться добровольного гида, и удивляться случайности всемогуществу.

?

Ночью,

Не открывая глаз,
Протяну руку -
Пододвинуться, погреться -
Пока ты еще кажешься
(Кажешься ли?)
На расстоянии вытянутой...
На расстоянии вытянутых рук
Наверное, ты у себя дома проснулся,
Чтобы пить,
Чтобы улыбнуться
Вчерашней шутке,
Но осторожно, чтобы не запалить
Счастье, изобразил лицом смертную муку...
Ай!.. Скорее возвращайся, не мерзни,
Твои окна давно глядят не на юг,
Покрываясь гусиной кожей...
«Перестань корчить рожицы,
Ты мне мешаешь сосредоточиться».
А ночью, конечно, самое главное -
Сосредоточится.
Предполагается – ночь эта кончится.
Надо лишь в твою сторону повернуться,
Прикоснуться... стоп... стоп...

Пойду-ка я в другую комнату,
Подожду рассвета.
Спать не можется.
Число расставаний множится.
Останавливаюся неторкающие попутки.
То Р.е.т.а., то ЕТА,
А нам единственным нужна не одна победа,
А максимальное число побед,
Растягивающих наши сутки
На пару часов до рассвета.
Затыкается грязная туча Москвы
И стук стук стук печатается лирика.
Я бы заварила травы -
В окрестностях не растет не листика.
«Тебя интересует что-нибудь, кроме политики?»
– Часть вопроса.
Интересует, отвечаю, медиевистика.
Особенно ересь, инквизиция и та часть триптиха
Иеронима Босха,
На которой черным черно.
А вообще, если всерьез рассуждать про это
полотно,
То мне больше всего нравятся створки крышки
До тех пор, пока нельзя за них заглянуть.
Всё, я уже поняла, теперь я буду говорить тише,
Потому что ты, я вижу,
Пытаешься уснуть.

?

Вороны кидают орешек о землю -
Не колетса, сука.
Печалится, воеет, страдает, болеет -
Но в рамках скорлупки.
Росточками тянется, ветками вьётся -
Никто не поможет.
Из множества сил восставить и бороться -
Одна только, божья.
Спиной прислонившись к коре, ты увидишь
Сжимавших когтями.

Детей их не сгонишь, гнезда их не скинешь,
Укроешь ветвями.
И к свету ты будешь тянуться, покорный
Законам природы.
Следя не за криком визгливой вороны -
За временем года.

?

Матросы принимают хину -
Весь экипаж неделю болен
И пьян. Мы сохнем на приколе,
Строка, подстрочка, чин по чину.
Один сидит и пишет, слышно
Подсказки жительниц залива
Хохочущих. Ну, так уж вышло,
Издержки жизни коллективной.
В тюремных и армейских кадках
Такое видишь сплошь и рядом -
Доверчивость есть свойство стадных,
Из них никто не знает правды.
С утра качает, как мальчишку,
Сгораю, мёрзну – малярия.
Плывет перед глазами книжка,
Усталость, повседневность, крияя.
Ты так далёк, мой собеседник.
Таблетки травят, словно люди.
Лекарство, средство из последних -
Стихи, которые мы любим.

?

Я беспорядок, хаос, тьма,
Безумный сон, случайный выстрел,
Перчатка, брошенная на
Оградке. Карта для туриста -
Без подземелий, без метро
Подземных красных горизонтов.
Над каждым камнем и плитой
В столице был расстрелян кто-то.
Что русским ссылка, равелин?

Есть преданность любовниц наших.
Пядь, горстку суздальской земли
Возьми - кровит, но всё расскажет
Верней таблички на стене.
Когда я сам себе не нравлюсь,
Я вечером звоню тебе.
Я – беспорядок, тьма и хаос.

?

Я просто девочка из маленького городка в Джорджии со значком «Благодарный мертвец» на школьной сумке. Быть женщиной - это значит быть чернокожим, это значит всю жизнь проходить по струнке. Радоваться вместе со всеми удачной шутке типа «Тебе от него пришло sms» или «Слёзы тебе к лицу». Плакать в закутке, печатать на нашивке freedom-утку и прыгать с ней с парашютом, **не прикасаясь к кольцу**. Я просто девочка из маленького городка с цементным заводом, домами серыми, однообразными клетками для жизни роботов. Оттуда, где природа человека искажается самоцензуры дорожной разметкой. Я просто девочка, я просто кусок человека, выросший до независимого размера, но внутри безусловный цементный калека, пыльный, железом арматуры пронизанный, серый. Я просто брошенный номер многотиражной газеты. Внутри – футбольная ничья, погода, прочие пустяки. И есть твоя небольшая статья с советами напитокся, потрахаться с кем-то другим, почитать, в конце концов, хорошую книжку. Моя умница! Я читаю одновременно шесть. Саморазрушаюсь, как Рим. Приветствую варваров, заполняющих мои улицы...

В начале тысячелетия **перспективно быть лабрадором**: глядишь – приведут в сенат, а может иранским консулом сделают... Войны граффитчиков по бетонным заборам, шепот лазутчиков, арматура для ануса и бонуса... Без говна теперь не ходят на улицу капюшонные мальчишки... Дожили до маразма - тонеры принимают за электрошокеры. Заползают при виде стриженных в кармане в кастет пальчики. Спокойно, психопат, ты уже круче гор, яиц, поворотов и самого тexasского Уокера. Шифруемся друг от друга, провожая скандинавского бога. На киевском сталкиваемся sms-ками, супругами, лбами и взглядами. Наша жизнь настолько посредственна, смешна и убога, что ей не жалко закрыть амбразуру. Ящик с ядами уроды бросили в море - двадцать лет выносит мёртвую рыбу. Выросло поколение долбоёбов - недоучившихся в школе, недобравших, не способных мыслить либо эффектно сгинуть, размножающихся, соприкасаясь крестами, и даже в неволе... У профессионалов опускаются непролетарские руки - в детской психике социальные перевороты ставятся криво. То ли дело пятого разряда ткачиха, набирающая силу, наливающаяая грудью холодного отжима, тоталитарного обжига, первого разлива... Интеллектуальная, блядь, элита, кто как не вы своими убогими руками понапаяли прослушек, джипиэрэсов, нахреначили вакуумных бомб, своими легитимными околопушкинскими протестами, грузовичками, с которых сахарно сетовали на деспотию – пафос, сдвинутые брови, апломб - вырастили себе тиранчика сосредоточенным молчаливым киванием... А чего было ждать от детей недорепрессированных, просравших свободу на ежевечерних подпольных собраниях, потративших последние мозги на бушевские сигареты и путинское пиво? Мрази никуда никогда пока не уходили – вам показалось, заноса серп, тянутся к яремной ямке челюстями гимна... Радуйтесь! У этой страны права на восстание не осталось. Ненависть – единственное чувство, которое здесь взаимно.

Мне иногда кажется, что не было Солженицына, Бродского, Высоцкого, Шемакина, Шварца. Что русские всегда умели только бояться. Из этой реальности уже никому не съебаться - триколорами обозначены идущие вместе с убийцами Политковской, в Галдецкого стрелявшими, бившими битами по голове Лашманкина, натравливающими нацистов на хардкорпанков, схеров, эмо, скейтеров, рэперов, анархов, бомжей, мигрантов, геев, короче на всех, кто не называется «нашими» фашами. Не было инакомыслящих? Политеха, Аромата, Гоголей, диссидентов, патриотов, не было активистов? Выйдешь на Красную площадь – вокруг памятников палачам чисто. Вместо того, чтобы судить всех - без исключения всех – чекистов, мы покорно смотрим, как они губят честных людей. Это даже уже не коричневая, это урановая опричнина. Помните черно-красные похороны Аглера? Что, их тоже не было? И, вообще, надо ли вспоминать про все проделки конторской падали? Может, всё всем нравится, а я «преувеличиваю»? **Мне иногда кажется, что свободы больше нет.** Что сахарница – это иллюзия, набитая гексогеном. И что мы уже не способны к переменам. И что мы сами построили расстрельные стены, забыв, что правда всегда выходит на свет. Что известна будет каждая подлость захватчиков, низость диктаторов, двуличие проклятых королей, и что для желающих всегда хватит ролей Уленшпигелей, Гусов, Лютеров... Так что лей, лей, неприметный малорослый злодей, свою воду на колесо истории, окутанное прослушивающими дачиками.

?

Интонация пьесы

Зависит от последнего такта.

Фонит.

Коротит

От факта высоты отвеса

И местного звукорежа,

Который даже не лакто.

Отношений суть

Выясняется последней фразой.

Фаза.

Определяется сердцебиение.

Теперь вздохнуть

И лучше, лучше

Разбираться

В темах

Спонтанного джаза.

?

Станция шлюз с самой узкой платформой

Человек в запачканной напичканной синей форме

Наклонился над прохожим похожим на мумию

Существом, пораженным Везувием безумием

Мне отсюда не видно хворобы и – подробно -

какие

На ней туфли и есть ли они. Лёгкая миопия

Лёгкие лёгкие Говорят, слетают Погода нелётная

Да у меня и аллергия на всё самолётное на всё

самое лёгкое

Ты смеешься приносишь утреннюю танку

таблетку

Стакан с водой Туман, наполнивший гетто

Болеет Белеет так, что дальше соседнего дома

Пространства нет или сома его невесома

История Будто едем утром – теории

приближения

Вне математики нет – скольжение самовнушение

Мне отсюда не видно, есть ли еще решение

Тем более - у меня аллергия на любое движение
На сидении несколько килограммов плутония
Это не судьба, но, определенно, уже ирония
Первый, я последователен, я последний Нервы
Расстроены Вздрагиваешь, встречая слово
«неверно»
Когда-то было понятие «газета-молния»
Современный аналог «газета-проклятие»,
«газета-агония»
На ладони записана словно слово новое
Мне отсюда не видно, но я попробую
Прочитать. Перезвонить тебе вечером.
Я. **Не скупай.** Целую. Морг института Сеченова.

?

...Милый друг, сколько бы не закладывали
гексоген в подвалы домов невинные фсбшники,
сколько бы схем истребления народа не
разрабатывали бы они, сколько бы раз не
звывали предвыборно «Невский экспресс»
– это «законно». Мастер же красного цеха –
естественнее мастера дзен, он опасен, так как сам
контролирует процесс и выворачивает наизнанку
себя и тем самым демонстрирует двуличие
правлящей фашни. Эффект эха. От спички
загорается высохший лес. То, что случится в
России, не понравится никому. **Государство** –
это миллионы заключенных в тюрьму,
миллионы нищих, умирающих от голода в
символическом Коркино. Самодельные бомбы,
закладываемые на одной шестой ежечасно, не
кажутся мне аморальнее СС-овского московского
спецназа. Смешно осуждать партизанскую войну
и затраханых всем миром равноудаленных от
нас несгибаемых палестинцев и басков, в то
время как половина народа подцепила путинскую
чуму, а вторая прыгает, потому что хочет
выиграть у большого брата в гонке, стреляя по
ботинкам соседа, вытанцовывая на маршах

несогласных. Через пару лет, когда отлетают дети Качугина, когда первый убийца страны и его коричневые слуги канут, и окажется, что даже памяти о них нет... Начнется слушание дела о фсбшных преступлениях, о растерзанных, оклеветанных, запуганных, избитых, порабощенных, о поставленных на колени народах... Жалко, что мы не узнаем итогов, потому что нас - 100% - не будет... Марроканцам, взорвавшим мадридское метро, дали по 40 000 лет, интересно, какой же условный срок получит наш президент вместо желанного третьего для укрепления машины тотального уничтожения и что станут говорить по нему друг другу свободные люди?

?

Болезненно-разорванная связь
Полоской тонкой в ямке кубитальной...
Пастельные тона для сцен фатальных,
Пастельные тона для сцен финальных,
Для сцен постельных траурная грязь,
Для сцен последних траурная грязь...
Забиться, тихо рассмеется вслед
Игрушечной потёмкинской деревне,
Картонности, картинности напевной,
Карминности, коронности надменной,
Характерности маленьких побед,
Характерности миленьких побед...
Единственной законченной строкой
Безчувственной, бессмысленной, безсловной,
С тобою совершенно незнакомой,
Тобю совершенно невлекомой,
Живущей безопасно, **далеко**,
Живущей безопасно, далеко...

?

В общем-то, вот оно, **время эпитафии**.

Гордая оппозиция пробежала Маршем,
Предотвращена, избита, посажена,
Застрелена, арестована - «Яблоку» негде
упасть...

Какую нашему рыжему делают биографию!
Прибей косичку покрепче, детка, оставь её -
С твоим политехнологическим стажем,
Спектром, сворой, свитой – куда же
Денется от тебя долгожданная власть.

?

В старом порядке вещей была своя
предсказуемость... Я не твоя, ты - вообще ничей,
даже в праздники не тусуемся.... Не обламываем
друг друга: кто смел, тот другого и съел.
Предупредительный артобстрел. Мишень, личная
цель, деликатная петля на шее — не туго? Гора
прошлогодних новостей и - в качестве жены -
престарелая подруга... Ты путешествовал по
бессмысленным странам, я занималась
феерической чепухой. В старом порядке вещей,
как не странно, было хорошо то, что я не с тобой.
Не приходило в голову, что пара деталей - пара
детей - пара печатей заставит любовь замолчать,
натянуться зеркальным экраном, заиграть в
дартс, закричать: - Перестань, лучше помнись,
как было здорово, Я скоро снова устану...
Проворачивается колесо времени...была своя
предсказуемость: степень моего изначального
доверия ненаказуема... Темно, скоро сочельник,
Время есть пшеничную... Сели за стол мёртвые,
суетно им, но они пришли - ибо все - из племени
...В прошлом порядке вещей... Есть
предсказуемость и в настоящем. Я не твоя, ты
вообще ничей, даже посторонние видятся чаще,
нет и нескольких дней. Ясно, мне уже не
выбраться из беспросветной чаши... Вариант для

нового поста в жж: Любовь - ненужная связка
ключей, тобою отложенная в дальний ящик...

?

Вызывая забытых тобой по списку, на резкость,
на кровь или на предчувствие крови,
на пропущенные тире на оттиске лезвия блеском
близким
близоруким гравером к кромке подходит
переобжатым проводом, без сигнала, бес,
наудачу бьющий - и рядом, рядом
падает сверху, убивая другого, нес-
казавшего даже десятой доли положенной
правды

право - да - повторять на четыре шестых,
с перебойми по середине такта,
перепутав даты, чтобы было без них
проще, без обратного хода, так-то... такта
положенного перебрав, лишнего перебрав на-
х, всё перерезать на ленточки, навязать на шею
себе, без учета отсутствующего звена,
и любить от этого всё сильнее
я смотрю; как только закончится фильм,
я включаю новый и в перерывах,
как **добойник**, направленный в Иггдрасиль,
полагаю себя единственной волей мира

?

Когда фотографировал я в арке
Тебя в нелепой шапке и его,
Влезающего контурами в **плоскость**,
Тогда соединяющую точки,
Подумывал о свадебном подарке,
О том, как лучше встретить Рождество.
Казалось все возвышенно и просто,
Как вензель на батистовом платочке.
Но праздник заменил потертый ватник.
И точно так же, перебив пространство,
Вползла в меня нелепая химера

И жизнь на два отрезка поделила
Ты там смотри, на фото, аккуратней:
Прохладно, на ветру стоять опасно.
Не уходи, а я бы, для примера,
Не вспомнил, что меня ты не простила.
Скажи, тебе не страшен гнев гудящий,
Со всех страниц твоё сползает имя
Что кровь? Она уже остановилась.
Что раны? Затянула раны нить.
Они в прошедшем. В вечном настоящем
Тебя не перестанут ненавидеть
Все те, кому, как тяжкую повинность,
Мои стихи назначено хранить.

?

Приклеив марку на конверт,
Сопит за пыльною конторкой -
Мышь, подавившаяся коркой,
Монах, нарушивший обет.
Ты, что неумным родился,
Умрешь неумным. Не попишешь
Тут ничего. Во всём излишек,
В особенности - в чём нельзя.
Бежит расслабленная кисть,
Не задевая черных клавиш.
Так ты меня не задеваешь
С тех пор, как руки разошлись,
Обозначая наш предел.
И желобком для кровостока
Аккорд последнего урока
Стекал, дрожал, гудел и пел.
Конверт летит к другим до кучи,
Дороже прочих во стократ.
Через неделю адресат
Последнее письмо получит.

?

Как ты был молод и хорош!
И предназначенная женщина
Рукою, острою как нож,
Чертила линию зловещую.
Напротив, пальцы расцепив
И локоть к локтю придвигая...
Как ты был молод и красив,
Когда она была чужая!
И время ускоряло бег,
В морщинах от тебя таилось
Случайность, лишний человек,
Твоей преградой становилась...
Перетерпев и претерпев,
Пересыпая пепелище,
Своей любви не разглядев,
Сидишь, любовь чужую ищешь.
Но - ничего. Одна зола,
Стекло, оплавленное в бурой
Кирпичной крошке. Замерла
В проёме смятая фигура,
Нависла тень из-за угла
И, чувствуя, что жизнь прошла,
Повисла кисть над партитурой.

?

Эпоха, ты была нехороша.
Стара, слепа, стекала грязной каплей
С окислившейся медной дужки, лоб
Приукрашая патиной спектакля,
Слоилась, словно суть карандаша,
Из-под побелки выбившейся паклей
Ты крышей крышку разумела - гроб.
Ты, милая, не стоила игры.
Бессмысленный смычок. Начинка раки,
Раскрошенная варварской рукой
И брошенная уличной собаке.
Как ныне осквернённые дары
Бухих волхвов, рассеянные в драке.

Как дом мой, обречённый на покой.
Ты тлела в складке театральных штор.
Шла за царём наложницей неверной.
Выплёскивалась, скатерть превратив
В пурпурную тяжёлую портьеру,
Впускающую женщину в притвор
Вином - изображая символ веры
И, двух за уши взяв, аперитив.
Смеялась, разъяряя власти суть:
Запретный плод, секретный ход, заветный
Волшебный корень, травяной отвар
И десять вариантов для ответа,
Нимало не влияющих на путь,
Но, втиснутых в канву эксперимента
Под перехлёст ассортативных пар.
Ты глоснешь, словно мне привычный круг.
Исчезло «ми» из трубок телефонных...
Избыточна ты даже в худобе.
Хочу сбежать по ходу перегона,
Попасть в строку, подстроится под стук
Всего состава, обойти законы,
Спасти девчонку, пристрелить дракона
И уничтожить память о тебе.

?

Вросший в поручень, вдавленный в грудь соседа
Книг котомкой. Тонко. Тоньше - в Ведах:
За воротник заливший - это мёртвый.
Под язык вжатая или в рёбра
Книга ему - истина - недоступна. А победа
Будет его. Я же - вряд ли доеду.
Потому что мне некуда больше. Мордой
Тычется пьяный, мордой пьяного города.
Между других сардин, одни из которых
Пышут икрой, а иные сухи как порох,
Я, занимая дно оплаченной баржи,
Не гожусь, по ходу, для распродажи,
Ибо не люблю засушенных корок,
В продолговатый нацеленных иголок.

И зачем я существую даже
Мой создатель не знает, что, в общем, страшно.
В предыдущей серии, в прежней банке,
Выпадая из книги бумажным бланком,
Белоснежным я сиял алебастром
Был и маслоопасным, и огнеопасным -
Ехал к тебе. И всякая перебранка
Пассажиров приближала обманку
Выбранную тобой в качестве галса,
Фарса — чтобы остаться , уехать — шанса

?

Ты напоминаешь машинистку,
Бьющую **чечётку** по ночам
Ровную чечётку диктатуры -
«Красную калину» Шукшина.
Тенью, очертанием, абрисом,
Благодарным маленьким плечам,
Текст ползёт без всякой редактур -
В каждой опечатке ночь слышна.
Лазерный работает бесшумно.
Ждешь, пока рабочая лошадка,
То есть разноцветная каретка,
Вытопчет на белом, изойдет
Краской, и, приумножая сумму,
Разбирая экземпляры, кладкой
Укрепляя веру в человека,
Папиросный завершит поход.

?

Взрывом тебя прижмёт так, что
Будешь лежать, ничком припав к земле,
Олицетворяя собой Ничто -
Палубу на последнем корабле..
Будешь бессильно плакать и даже сна
Вызвать не сможешь, книгу к груди прижав
Судорожно, пряча глубже письма,
Пряча свою среди убогих правд.

Круглым чаем скатишься в кипяток,
Выпустишь ворсинки, ломая льды,
Олицетворяя собой **Рок**,
Краской клубясь у пенной кромки воды.

?

Что движет хаотическую массу
Живого человеческого мяса,
Завёрнутого в рисовый листок,
К границе между Пермью и Триасом?
Улитка, прогрызая желобок,
В растении выискивая сок,
Аттрактором становится опасным,
Полоской склизкой пачкая песок
Улитка, ты за всё здесь отвечаешь.
Травинка, что тебя сейчас качает -
В грядущем - наведённая сейсмичность,
Круги на глади траурного чая.
В сравнении с твоими безграничны
Проекции сезонных боен птичьих,
Спокойствие монахов, неслучайно
Несхожее с тревогою привычной.
Так жертвенник влияет на погоду.
Но кто из нас, врожденных идиотов,
Не чувствующих внутреннего ритма,
Живущих отпечатком дом-работа,
Оставленным на плоскости молитвы,
Заметит окружающего контур -
Причину обнаружит вечной битвы
И срежет бесполезные длинноты?

ОИ

Когда я окажусь велик
И больше, чем рождённых книг,
Окажется эссе вторичных,
Сосредоточенных на личном.
И попытаются извлечь -
Невразумительную речь
Толкуя, словно новый сонник,

Символику любовных хроник,
Тектонику случайных встреч -
Всё то, что знали только двое.
Биографами буду "понят".
Возликовав, побеспокоят,
Перелопатят, извлекут,
В ладонях крошки перетрут.
Окажется, что ты, душа,
Стремилась за меня решать,
Страдала от избытка веса...
Додумает, что неизвестно
Вся королевская печать,
Вся представительская пресса,
Интимность низводя к нулю.
Снаряд, летящий к кораблю,
Представив вражеской приманкой.
Недостигаемую планку
Раскинув многоскатной крышей....
Пока же мы друг другом дышим -
Мы есть начало всех начал,
Ударный порох и запал.
Я знал, что так они напишут,
Ещё тебя не встретив, знал...

?

Расколы континентов изначально -
Изломы незаметных мелких трещин
Так та, что обожжёт тебя печалью
Похожа на других усталых женщин.
Из точек, привнесённых хаотично,
Типичный состоит системный кризис.
Так серость ночью кажется привычной,
А утром убивает, ощетинясь.
Рабы не созидают - не умеют.
От хама нет методы и защиты.
Ты в каске - палачу привычной шея.
Ты выше — белый карлик носит биту.
Чума прохотала в нашем царстве -
Подмяв других, отъелся пролетарий.

Собрав от революции лекарство -
Заслуженный **чернобыльский гербарий**.
Пустыня, яма, смерть, могильник - зона
Эпоху мавзолея предрешила.
Прижата саркофагом из бетона
Идеи утопической вершина.

?

Вторая половина февраля.
Повремени, **новая любовь** -
Дай мне доплакать на чужом пороге,
Дай мне поверить в эту пустоту,
Дойти до абсолютного нуля
И до невыносимого здоровья.
Повремени-ка, новая любовь,
Пока под старой проведут черту...
Ты всё сметаешь на своём пути,
Но запиши, что ход я пропускаю.
Добейся незначительной отсрочки,
Для прочих красоту побереги.
Прости, но в этот раз предотврати
Известные намёки, дорогая.
Дай предложение закончить точкой,
Дай мне запомнить, кто мои враги.
Пусть он за мной сегодня не идёт -
Прохладно для прогулки по бульварам.
Пусть он молчит, сомнениями полон.
Не зажигай на маяках огни.
На месте прошумевшего пожара
Цепляется трава за землю крепче.
Прохладно для прогулки по бульварам.
О, новая любовь, повремени.

?

Послойно, фасцию за фасцией
Снимая, серые волокна
Реальности в корзину сбрасывая,
Сакральный обнажает **остов**,
Смесь по ходу операции,

Тем, кто заглядывает в окна
Подмигивая, пилкой разовой
Едва касаясь периоста...
Бьёт цепом, разложив на тряпке
Стручки дневного урожая,
По ветру сея шелухою,
Размахиваясь от плеча.
И отлетают в беспорядке
Осколки. Где ты, горожанин,
Еще посмотришь на такое?
Где ты проснёшься, хохоча?
А может, шкурку апельсина
Снимая, чищенный бросает
На позолоченное блюдо,
Стоящее на алтаре.
Переминая комья глины,
Вдыхая душу и вздыхая,
Надеется, что не сопьётся,
Доверившись чужой игре.
И, лезвием в тебя врезаясь,
Наискосок листая память,
Смеясь над тщетностью попыток
Остановить жгутами кровь,
Уже раздавленную завязь,
Покрепче сжав в руке, расправить
Японской вишней, смятый слиток
Поднять и переплавить вновь.

?

шшшшит все мы ждём эту **белую лошадь**
цокает цокает по брусчатке площадь
камнем забитая вглубь наша вина
крепом затянута гербом рассечена
вжата отметка константа величина
мне на короткий срок я снимаю наспех
комнату кинотеатр ожидаю настю
если у нас есть ли нет что-то общее
эта эта цокающая лошадь
эта рыжая девушка в полупрофиль

кафель расписанный красным разлитый кофе
ты сидишь откинувшись пролетаем
мимо мимо снова да дорогая
наши дети наши чертовы дети
как пульсируют пуповинные петли
обвивая наши склоненные шеи
да любимая я стараюсь скорее
да я купил да я выезжаю
да дорогая

?

Всё заberi - этого мне оставь.
Переплети заново календарь
Обернись и наотмашь ударь.
Прежних убей, прежних перемеси
В крошку. Если надо тебе принести
В жертву кого-то - то меня принеси.
Всё заberi - этого мне оставь.
За чередой рассеянных лиц - одно.
Вылиты белила на полотно.
Безнадежно. Смыто. Предрешено.
Начинай войну, поднимай целину,
Проникай силой на глубину,
Ранами измеряй эту страну,
Но оставь мне за чередой — одно.
То одно, проскальзывающее сквозь
Ушко, ремешком придерживая ось,
Переношенное вкривь и вкось,
Балансирующее на игле
Патефона, на вечном нуле
Счётчика, скачущего во мгле...
То одно, проскальзывающее сквозь...

?

дом, как полная **чаша, полная яда**,
полная чувства, что ничего не надо
ты, переставший ждать, искать и бояться
смены женщины, фабулы, декораций
демонстрируя брачную несвободу

с удовольствием ощущая годы
на щеке храня отпечаток клетки
вот жена, вот утренние таблетки
тащишь неплодоносящее счастье
прямо к урне, прямо за уши тащишь
и, прижав тяжёлым, линияешь быстро,
под забором спишь, под забором спишь ты
аки ангел, угодивший в засаду...
дом, как полная чаша, полная яда

?

Бесцветный город молчалив.
Соседка кашляет и стонет -
Не слышит песни соловьиной.
Сбежал из клетки - будет петь.
И **Птичка** щёлкает триоли,
Летит коленцем, переливом,
Дробится музыкой и болью,
Поёт-насвистывает Смерть.
Призывно, словно место силы,
Стучит, курлычет и клокочет -
Копает новую могилу,
Грозит Ловцу грядущей шуткой.
На ценник пишет время ночи,
Остриг невидимое шило,
Натаскивает одиночку,
Ведёт насмешливая дудка -
Ведёт врага тяжёлым шагом.
Ловец пытается подняться,
Но кровью льётся на бумагу,
Кричит - у Мастера саднят
Костяшки пальцев. Смерти танцы -
Триумфы местного оврага.
А Птичке остаётся клацать,
Выстраивая звукоряд,
Меняя Смерть на злую песню.
В азарте, в черном исступленьи
Вплетая в ночь дурные вести,
Не ноты — выстрелы нести.

Основу жизни слышишь в пенье?
Возмездие как корень мести,
Ответ за ужасы мгновенья,
Когда **Ловец** сжимал в горсти.

QUOD FELIX FAVSTVNQUE SIT

Вокруг приветливые лица -
Не просто жить в года проскрипций.
Спешишь соратника проведать,
Покачивая головой.
Бормочет красная столица.
Навстречу тянутся убийцы -
Бредут по траурному следу
За очищающей водой.
Нет на бумаге больше места...
За голову заплатит квестор
Издержки магистрат оценит,
Но кто оценит справедливость?
Я от людей спасаюсь бегством.
Мне не понятно вне контекста,
Зачем нам нужно столько денег,
Чего без них мы не добились?
Лежал себе товарищ Ленин,
Бежал себе Платон Еленин,
Но абсолютность приговора
Не подтверждалась пьяной дракой.
Альбанских и иных имений
Хватало всем без исключений.
И в бок не ударяла шпора,
И хвост не управлял собакой.
Как звери дикие не рвали
Друг друга за кружок медали,
Шаги движений или партий
Не принимая за обман.
Все аплодировали в зале,
Стояли и рукоплескали,
Нам мил и Сулла был, и Марий -
Ты помнишь, братец **Лукиан**?

Скачи галопом, галльский всадник -
Мы отмечаем новый праздник:
Наш День Открытого Убийства,
Наш государственный размах.
Пусть враг перешивает ватник -
Неотвратимость страшной казни
Нам обосновывает пристав,
Со стен развеивая прах.

?

Ты хочешь есть? Не хочу! Сходи к врачу.
Одна из возможных причин -
Дефицит В 1. Ты хочешь жить? Нет.
Это неверный ответ. Одна из возможных
причин - **дефицит причин.**

?

Любовным традициям местного **даблфинка**
Завидовать будут века.
О, сублимация отточенного инстинкта:
Кошка vs Людоед-великан.
Эстетика, противостоящая кулакам.
Угрожающий небу там-там.
Вечеринка во время свободного рынка.
Автомат, стреляющий в матерящийся
принтер.
Секс vs Реакция на стресс.
Обсессия, как вариант агрессии в движении -
С максимальной самоотдачей, а лучше без
В непрекращающейся ни на мгновение
Игре на отвес и на понижение.
Мы достанем её непосредственно из
средостения,
Оттуда, где за зоной притупления сил и
средств,
Группируются недоставленные и
неотправленные sms.

?

Филолог - помешавшийся наборщик,
Страдающий избытком схожих слов -
Живит мертворождённые на нитку.
Корабль, кордебалет, коврижка, ковшик -
Не может ухватить рыбак улов,
Прицелившись, не может кинуть битку .
Нема в листок вцепившаяся буква,
Пуста самоуверенная форма,
Безжизненна высокая печать.
Клавир, кларнет, кладовка, кладезь, клюква...
Где царствует **торжественная норма**
Поэзии положено молчать.

www.lubava.info
www.hippy.ru
lubava@hippy.ru
Москва

Фото из архива Алика Львовского